

УДК 1 (045) (470+571)

«Русская идея» кающегося аристократа. Н.А. Бердяев

КОВАЛЕВ-СЛУЧЕВСКИЙ КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ

профессор Института журналистики и литературного творчества, член Общественного совета Министерства культуры РФ, писатель, историк

E-mail: kkovalev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты биографии философа и публициста Н.А. Бердяева, а также его отдельные философские взгляды и теории, в первую очередь – развитие им понятия «русская идея», сыгравшего немалую роль в становлении как религиозной философии, так и (в последнее время) политической мысли России. Статья написана на основе западных публикаций, в которых отражены мнения и выводы сподвижников Н.А. Бердяева, тех, кто знал его лично, разделял его взгляды или высказывал иную точку зрения. Рассматривается и то, как Бердяев развил идею свободы, изначально предшествующей бытию и Богу, выдвинул идею творчества, исходящего из изначальной свободы и из нее формирующего бытие, развил антропологическую идею о человеке-личности, воплощающем собой творческую потенцию свободы, широко осветил и по-своему рассмотрел идею истории как форму существования творческой личности, обладающей свободой. Статья посвящена тому, как Бердяев противопоставляет идею и философию свободы несвободе (необходимости), пассивности, безличной реальности (коллективизму), хаосу (отрицанию смысла истории), природе (натурализму). Осмыслиется его «персонализм» – обостренное чувство самого себя, ценности личности и восприятия мира через себя, ставшее этическим кодексом Бердяева.

«Русская идея» Бердяева рассматривается как стремление найти и оправдать саму «идею идею», даже если сформулировать ее однозначно не представляется возможным.

Отдельное внимание уделено эсхатологии Бердяева, «завязанной» на проблеме итога, конца, результата как для человека, так и для всего мира. Прослеживается его философское решение проблемы Апокалипсиса, размышления об оправдании христианства как духовной и исторической силы и каждого человека как Божьего сына и носителя изначальной свободы, оправдывающей его. Особое место отводится выявлению основ философии истории, культуры, религии Бердяева, а также развитию им философии человека – антропологии.

Ключевые слова: антропология; Бердяев; идеология; персонализм; политический прогноз; религиозно-философская мысль; русская идея; русская эмиграция; третий путь; христианский универсализм; эсхатология.

The «Russian Idea» of a Repentant Nobleman. N.A. Berdyaev

KONSTANTIN P. KOVALEV-SLUCHEVSKIY

Professor, Institute of Journalism and Creative Writing, a Member of the Public Council of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Writer, Historian

E-mail: kkovalev@mail.ru

Abstract. This article considers some aspects of the biography of the philosopher and publicist N.A. Berdyaev, and also his particular philosophical views and theories, primarily the development of the concept of «The Russian idea», which played a considerable role in the formation of religious philosophy, and (recently) the political thought of Russia. The article is written on the basis of Western publications, reflecting the opinions and conclusions of N.A. Berdyaev's associates, those who knew him personally, shared his views or expressed a different point of view.

The article also discusses the way Berdyaev developed the idea of freedom, initially prior to the Being and God, put forward the idea of creativity emanating from the original freedom and forming the Being, developed the anthropological

idea of a human being - personality, embodying the creative potential of freedom, widely covered and considered in his own way the idea of history as a form of existence of a free creative personality. The article is devoted to Berdyaev's way of opposing the idea and the philosophy of freedom and non-freedom (necessity), passiveness, impersonal reality (collectivism), chaos (the negation of the meaning of history), nature (naturalism). His «personalism» is considered - a heightened sense of self, values and personality perception of the world through himself, that became a code of ethics of Berdyaev.

«The Russian idea» by Berdyaev is considered as the desire to find and justify the very «idea of the idea», even if to formulate it clearly is not possible.

Special attention is paid to Berdyaev's eschatology, «tangled» on the issue of the outcome, the end result for the individual and for the whole world. The article traces his philosophical solution of the Apocalypse, reflections about the justification of Christianity as a spiritual and historical force and of each person as the son of God and the bearer of the original freedom justifying him. A special place is given to reveal the foundations of the philosophy of history, culture, religion of Berdyaev, as well as the development of his philosophy of a human being – anthropology.

Keywords: *anthropology; Berdyaev; ideology; personalism; political forecast; religious and philosophical thought; the Russian idea; Russian emigration; third way; Christian universalism; eschatology.*

Несколько неожиданно назвал известного русского философа профессор колледжа Св. Антония в Оксфорде Ричард Киндерслей, когда мы познакомились с ним (в 1989 г.), и он подарил мне одну из своих многочисленных книг, посвященных русской истории начала XX в., в данном случае — о П.Б. Струве. Там же, еще в Оксфорде, я с нетерпением открыл раздел книги, озаглавленный «Berdiaev», и в добавление к услышанному прочитал: «Если Булгаков (отец Сергей Булгаков — известный богослов и мыслитель, профессор многих российских и европейских университетов. — К. К-С.), сын священника и семинарист, представлял традиционный тип русского радикально настроенного интеллигента, то Николай Александрович Бердяев представлял другой: кающегося дворянина»...

В самом деле, казалось, ему было за что каяться. В первую очередь — происхождение. Легальный марксист на заре века, да к тому же из богатых аристократов. Революционер с автобиографией, ведущей свое начало из древних русских дворянских родов, татарской знати и графского французского рода Шуазель. Повадки его всегда были «узнаваемы», привычки — неисправимы. Борис Зайцев описал свою первую встречу с Бердяевым так: «... Большая комната, вроде гостиной, в кресле сидит красивый человек с темными кудрями, горячо разглагольствующий, и по временам (нервный тик) широко раскрывает рот, высовывает язык. Никогда ни у кого больше не видал я такого... Бердяев был щеголеват, носил галстуки бабочкой, веселых цветов, говорил много, пылко... В общем, облик выдающийся» [1, с. 61–62].

Каяться ему приходилось и за изменения в своем мирозерцании. Первоначально с марксистского на глубоко религиозный, или, как это принято у нас говорить, — философско-идеалистический. А под конец жизни — напротив, за чрезмерное увлечение Советами, почему и отвернулась от него значительная часть русской эмиграции...

Родился он в Киеве, а скончался — в предместье Парижа. Переезд из родины в далекие края длился у Бердяева всю жизнь. Он не стремился уезжать из России. В 1922 г. он был выслан за ее пределы вместе с некоторыми деятелями науки и культуры. Но его «вторжение» на Запад началось значительно ранее. Основоположник некоторых постулатов персонализма и экзистенциализма, он уже нашептывал свои идеи многим европейским мыслителям, хотели ли они этого или нет. Его негромкий голос, раздававшийся со страниц газет и журналов российских столиц, его первые книги поразили многих. «Смысл творчества» вообще заставил кое-кого призадуматься об истоках и назначении человеческого бытия в эпоху революционного переустройства мира и в преддверии военных потрясений, каких еще не видывала цивилизация.

Наиболее знаменательным событием для него и для многих его друзей и единомышленников стал его переход, вернее, возвращение к Православию. «До самого семнадцатого года оставался он вольным философом и публицистом, — писал Н. Зернов в своей книге «Русское религиозное возрождение XX века», — самобытным и радикальным, но неуклонно идущим к Православию... Его возврат в Церковь тоже волновал русскую интеллигенцию, считавшую его «своим», несмотря на то что он не

был типичным интеллигентом. Его обращение имело значение не только для России, но и для всего западного мира» [2, с. 167–169].

Это свое обращение он аргументированно объяснял на страницах сборников «Проблемы идеализма», «Вехи», «Из глубины».

«В эпоху кризиса интеллигенции и сознания своих ошибок, в эпоху переоценки старых идеологий необходимо остановиться и на нашем отношении к философии», — так начинал он свою статью «Философская истина и интеллигентская правда» в сборнике «Вехи» (1909). А заканчивал он ее словами: «Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства, т.е. возложим на себя ответственность и перестанем во всем винить внешние силы. Тогда народится новая душа интеллигенции». Так Бердяев еще раз обратил внимание на важнейшую роль непосредственно личности в установлении и обновлении общественной жизни в России.

Первая мировая война пробудила в нем поразительную энергию. В 1915–1916 гг., можно сказать, выявился во всей своей силе Бердяев-публицист. Именно в это время он окончательно находит свой стиль — неповторимый, узнаваемый сразу же, лишь только стоит раскрыть его книгу или прочитать статью в журнале. Стиль энергический, немного напряженный, в чем-то повторительный, убеждающий, эмоциональный, очень личностный. Неизвестно, чего больше в трудах Бердяева — философии или художественной публицистики. Видимо, и то, и то в одинаковой мере присуще ему, а потому и получил он определение «философский публицист».

«Вопросы философии и психологии», «Биржевые ведомости», «Русская мысль», «Утро России», «Христианская мысль», «Труды и дни», «Русская свобода» — эти издания были буквально заполнены статьями Бердяева. Кроме того, он еще пишет книги, философские работы большого объема.

А затем наступили годы коренных и необратимых перемен...

Февральская революция 1917 г. была в самом разгаре. Москва бурлила. Слухи и разговоры возбуждали население. Среди них — самый главный — в Петербурге происходит переворот. Толпы людей двигались по улицам. Направление было единым — Центр, Кремль. Словно бы там, на древнем месте сходов и вечевых споров, у Соборной площади или на площади Красной и должно было бы решиться нечто очень важное, умопомрачительное, предощущаемое до невероятия.

Одна из людских колонн продвигалась к Манежу. Окружив площадь, гудящая и шевелящаяся масса угрожающе сдвигалась в сторону приготовившихся стрелять правительственных войск.

Казалось, «чиркни» какая-то сумасшедшая, нечеловеческая «спичка», и произойдет вспышка адского пламени, пожирающего душевную веру и надежду в еще большем масштабе, нежели двенадцать лет назад, в январе 1905-го...

Но от толпы вдруг отделился небольшого роста человек и храбро подбежал к офицеру, командовавшему войсками. Он стал говорить, громко, захлебываясь от волнения. Он почти кричал, призывая солдат не открывать огонь, ибо это пролитие крови будет поистине чудовищным, бессмысленным. Он стоял между толпой и солдатами.

Две массы угрожающе сдвигались.

Но солдаты так и не сделали ни единого выстрела...

...Время минуло. Одна революция сменилась другой. Было множество всяческих жизненных перипетий. И почти забылось это «маленькое» событие, не упомянутое даже в автобиографической книге «Самопознание» русским эмигрантом в Париже Николаем Александровичем Бердяевым. Именно он и был тем смельчаком, в какой-то мере способствовавшим предотвращению бойни на Манежной площади.

Обычный рассказ о биографии человека подразумевает схему: «Известный русский философ Н.А. Бердяев родился... жил... думал... эмигрировал... скончался...» При всем желании миновать подобное неизбежное течение биографического «жанра» будет трудно, потому имеет смысл кратко проставить основные вехи его жизненного пути — пути не из «ряда вон», но все же весьма показательного.

Год рождения — 1874-й.

Год сей ничем выдающимся для России отмечен не был.

Семья, где рос будущий философ, была, как мы уже говорили, непростая — из знатного дворянского рода. По отцу — Александру Михайловичу Бердяеву — он имел предков русских, выходцев из Польши, и из рода Бахметьевых — потомков татарских князей. По матери — Александре Сергеевне, урожденной Кудашевой, он также имел русское и татарское княжеское происхождения и являлся потомком именитых в истории родов — Потоцких, Мнишек, и даже был потомком французского короля Луи VI. Портрет прабабушки, о которой в семье рассказывались легенды и которая увлекалась сектантскими

религиозными идеями, своеобразным оберегом висел позднее в кабинете Бердяева.

Учился Николай дома, затем был отдан в Кадетский корпус, а позднее поступил в Киевский университет на естественный факультет, с которого перешел на юридический.

Именно здесь он познакомился с учением, завладевшим его помыслами, — марксизмом. «Я не раз задавал себе вопрос, что побудило меня стать марксистом, хотя и не ортодоксальным, а свободомыслящим? Вопрос сложный... Маркса я считал гениальным человеком и считаю и сейчас», — писал он в старости.

Книги Гегеля, Шопенгауэра и Канта лежат на его столе. Вечерами он горячо спорит со своими единомышленниками по социал-демократической группе, организованной в Киеве. После одной из студенческих демонстраций его арестовывают. Затем — вторично, с месячным тюремным заключением, за что и исключают из университета.

Двадцатипятилетний свободолобиво настроенный мыслитель, находящийся под гласным надзором, пишет свою первую статью «Ф.А. Ланге и критическая философия». А вслед — книгу «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», которую дает прочитать П.Б. Струве. Последний немедленно пишет предисловие, и книга выходит в свет в Петербурге.

Будут у него и годы ссылки (какая «привычная» биография «типичного» революционера начала века!). Вологодская гостиница «Золотой якорь», хоть и не очень просторна, но вмещала в свои комнаты собиравшихся там будущих известных писателей А. Ремизова и пушкиниста П. Щеголева, «террориста» Б. Савинкова и экономиста А. Богданова, а также — А. Луначарского.

Бердяев продолжает писать. Много и постоянно. Безотрывно. Печатается и там, и тут. Но всем, и ему в первую очередь, становится ясно — он ни на йоту не сдвинулся с позиций своего изначального идеализма и, следовательно, «автоматически» перешел от марксизма к его критике.

Философ С.Н. Булгаков соединит при знакомстве руки Бердяева и студентки Лидии Рапп. Это рукопожатие свяжет их вместе почти на половину XX века, до ее кончины далеко от родины...

Бурные годы молодой зрелости сводят Бердяева со многими яркими мыслителями эпохи. Он участвует в журналах и сборниках вместе с А. Блоком и А. Белым, Д. Мережковским и В. Ивановым, Л. Шестовым и Г. Чулковым, В. Брюсовым

и М. Гершензоном, В. Эрном и Г. Рачинским. Его философское творчество привлекает всеобщее внимание. Только В. Розанов, по словам Бердяева, написал об одной из его книг 14 (!) статей.

Споры и беседы, как, например, с З. Гиппиус и П. Флоренским, определяли его собственное мирозерцание.

Бердяев издает журналы, принимает активное участие в работе философских обществ, как, например, в обществе «Памяти Вл. Соловьева», многие годы собирает единомышленников по вторникам у себя дома, в Малом Власьевском переулке в Москве.

После обеих революций Бердяев неудержимо продолжает работать. И хотя о нем говорят как о противнике официального православия, он сам пишет: «Я чувствую связь с православной церковью, которая у меня никогда не порывалась вполне, несмотря на мою острую критику и мое ожидание совершенно новой эпохи в христианстве». Вот почему во время одного из крестных ходов в 1918 г., возглавленном патриархом Тихоном, среди множества народа можно было увидеть и Бердяева.

В первые годы Советской власти «официальная» карьера Бердяева приняла самый удивительный размах (не считая, правда, того факта, что в октябре 1917 г. он даже мимолетно состоял членом Временного правительства Республики). Пожалуй, никогда до этого времени, ни позже, он не будет занимать столь серьезных «должностей». Он входит в руководство Московского Союза писателей вместе с М. Осоргиним. Пользуясь покровительством Каменева, основывает Вольную Академию философской культуры и руководит ею. Избирается профессором Московского университета, а позднее даже некоторое время руководит Московским Союзом писателей вместо Б. Зайцева.

«Как это ни странно, — писал он в «Самопознании», — но я себя внутренне лучше почувствовал в советский период, после октябрьского переворота, чем в лето и осень 17 года. Я тогда уже пережил внутреннее потрясение, осмыслил для себя события и начал проявлять большую активность, читал много лекций, докладов, много писал, спорил, был очень деятелен...» [3]. Как и прежде, «вторники» у Бердяева собирали многих желающих. Об этом пишет пресса, слухи растут снежным комом, и вот «Известия» дают полуфантастическую информацию, что в квартире Бердяева (это очень напоминает булгаковскую суету вокруг квартиры профессора Преображенского в «Собачьем сердце») дискутировался вопрос о том, является ли Ленин антихристом или нет, и что

в результате обсуждения пришли к выводу — нет, не антихрист, но его предшественник... Вот почему жизнь Бердяева, не омрачавшаяся, казалось, ничем, как в лето 1922 г. под Москвой в Барвихе, вдруг стала прерываться арестами, последовавшими один за другим.

Первоначально по делу Тактического центра. Он попал прямо в кабинет к Дзержинскому и вел себя весьма решительно. Высказал все свои «за» и неприемлимые «против» того, что он считает неправильным у большевиков, а также настаивал на том, что он свободный философ — не более. Прямота Бердяева понравилась Дзержинскому, и он тотчас отпустил его домой, при этом попросив отвезти арестованного на автомобиле (дело было ночью).

Второй арест был связан с решением о высылке группы лиц за пределы России. Выезд состоялся в сентябре 1922 г. «Это была странная мера, которая потом уже не повторялась. Я был выслан из своей родины не по политическим, а по идеологическим причинам. Когда мне сказали, что меня высылают, у меня сделалась тоска. Я не хотел эмигрировать, и у меня было отталкивание от эмиграции...»

Переезд в Берлин определил новый этап в жизни Бердяева. Он всегда считал, что его вынужденный отъезд из России — «провиденциален». Хотя первое время существовать на новом месте было не просто. Холодный прием эмиграции, отсутствие необходимых средств (Е. Кускова особо отметила, что он часто появлялся в ее доме только из-за того, чтобы иметь возможность поесть любимые им блюда из сахара). Но Бердяев немедленно создает, как объявлял берлинский журнал «Новая русская книга», религиозно-философскую академию, в которой курсы лекций должны были прочитать С. Франк, Л. Карсавин, Ф. Степун, И. Ильин, Н. Арсеньев и другие. Русская философская мысль продолжала своими путями развиваться за рубежом и, по словам Ф. Степуна, всегда стремилась к жизненной правде, справедливости, что придавало ей особо духовный, возвышенный характер, зачастую отсутствовавший в подобном созерцании мира представителями Запада.

Теперь Бердяева узнает Европа. Одна за другой выходят его книги. «Новое средневековье» в ближайшие же годы переводится на множество языков. Он создает журнал «Путь», просуществовавший до 1940 г., и именно в нем увидят свет большинство его основных статей, написанных в эмиграции.

Его реакция на события в СССР и в Европе противоречива и неоднозначна. Критикуя неудачи социализма и «коллективизм» марксистской идеологии,

он одновременно выступает за самые различные начинания, происходящие в недрах его Родины. Так, он выступает с осуждением создавшейся в эмиграции Карловацкой юрисдикции православной церкви, поддерживает московского митрополита Сергия, будущего патриарха. Уже в 1930-е годы его обвинят в «идеологическом возвращении» — слишком позитивном восприятии Советской России.

Но, переехав в Кламар под Парижем и проживая там до конца своих дней, он, конечно, в первую очередь занимается главным в своей жизни — философией, продолжает развивать и углублять свое мироощущение, изучает и осмысливает разные сферы общественной и культурной жизни. Он, по мнению многих, изменяя свои взгляды, все же остается верен добровольно выбранному самим собой одиночеству. Л. Шестов, вспоминая поговорку о том, что одеяние монаха еще не делает из него монаха, сказал о Бердяеве, что, эволюционируя, он, по сути, менял лишь «одеяние», оставаясь всегда самим собой, и когда он был марксистом, и когда критиковал марксизм.

И все же он не был «одиночкой», потому что встречал многих единомышленников. Нынче русская религиозная философия XX в. (принято еще говорить о русском религиозном ренессансе XX в.) открывается для нас многими именами. Всех этих людей принято было рассматривать либо как «рenegатов» и «изменников», либо как «страдальцев» и «борцов за правое дело». Но не так уж были единны они во взглядах — мучительно размышляющие о судьбах далекой Родины, которая долгое время сводила их «воедино» в «непубликабельной» судьбе. О них еще много и много говорить, писать, спорить, многое прояснять. Сколько тем, и благодатных, для размышлений!

Но было-таки одно единое, что связывало их всех, — мысль о России, о ее предназначении и судьбе. То, что названо несколько заклинательно, — «русская идея».

Идея о России — мысль, которая мучила нестерпимо и Николая Александровича Бердяева, заставила его позднее, на рубеже собственного семидесятилетия, сесть за книгу, посвященную истории этого вопроса, книгу, увидевшую свет за два года до его кончины.

«Я никогда не думал, что мне пришлось испытать особенные преследования и «страдания за идею». Но я все-таки сидел в тюрьме, был в ссылке, имел неприятный судебный процесс, был выслан из моей родины. Это много для философа по призванию» [3]

Бердяев, как «философ по призванию», в самом деле, внес неоспоримый вклад в развитие философской мысли XX в. Не углубляясь в суть его многообразных философских размышлений, отметим кратко то, что он сделал в этой сфере:

- развил идею свободы, как изначально предшествующей бытию и Богу;
- рассмотрел идею творчества, исходящего из изначальной свободы и из нее формирующего бытие;
- поставил и развил антропологическую идею о человеке-личности, воплощающем собой творческую потенцию свободы;
- широко осветил идею истории, как формы существования творческой личности, обладающей свободой.

Идея и философия свободы, творчества, человека, истории, а также философия духа противопоставлены были им несвободе (необходимости), пассивности, безличной реальности (коллективизму), хаосу (отрицанию смысла истории), природе (натурализму). Это и есть те основные вопросы, которые он ставил перед собой и решал всю жизнь.

«Персонализм», т.е. обостренное чувство самого себя, ценности личности и восприятия мира через себя, — основной этический кодекс Бердяева.

Мысль Бердяева эсхатологична, т.е. «завязана» на проблеме итога, конца, результата: для человека, для всего мира. Философское решение проблемы Апокалипсиса занимает его прежде всего. Он размышляет об оправдании христианства как духовной и исторической силы, и каждого человека как Божьего сына и носителя изначальной свободы, определяющей его независимость от мира и общества и оправдывающей его.

Бердяев создает свою философию истории, философию культуры, философию религии, развивает философию человека — антропологию. Он не только создает и строит, но и решает.

Удастся или не удастся это ему — судить читателю. Но написано Бердяевым много. И многое из написанного — неоднозначно и даже противоречиво.

В любом случае среди сонма многих эмигрантских сочинений или философских произведений, современных Бердяеву, «тон» и стиль его письменной речи — публицистичный, живой, эмоциональный, намеренно «понятный» и направленный непосредственно к читателю, к его «умному сердцу», к его «духовному центру», освобожденный от сухого наукообразия — отличителен с первых же строк.

Уже справедливо отмечалось его «безразличие к методологии философского дискурса; безоглядное, почти, экстатическое устремление к решению «последних вопросов», некритически воспринятых из теологии; «слипание» метафизики с натурфилософией, мышление в категориях «спиритуалистического материализма», моралистическое приписывание предметам «изначально присущих» им качеств и вера в учительское назначение философии» [4]. Подобных «профессиональных непрофессиональностей» у него можно найти еще больше. И именно поэтому самому Бердяеву так свойственно «повторение пройденного», он от книги к книге, внутри каждой книги, словно бы возвращается к одной и той же теме, проговаривая ее несколько раз, намеренно «ощупывая» ее со всех сторон.

Этот способ мышления — «повторительность» — есть свидетельство и уверенного желания автора отыскать правду и, одновременно, свидетельство его неуверенности в высказываемом и в окончательной правоте. В этом смысле к работам Бердяева следует относиться творчески, не останавливаясь на его выводах, как на безапелляционном итоге, а следуя далее по обрисованному им контуру проблемы.

Главное же, что сейчас становится ясным — изучать историю XX в. и историю русского зарубежья, а следовательно, историю философии и литературы, без знания трудов Бердяева значит изучать ее не объективно, фрагментарно. В осознании процессов, происходивших в истории русской культуры первой половины нашего столетия, бесполезно проработать труды одного из основоположников русской религиозной философии XX в., а также экзистенциализма в мировой философии в целом.

Кроме того, мы по сию пору недооцениваем имеющегося влияния мыслителей русского зарубежья на творчество некоторых советских писателей. Тема эта особая. Однако можно отметить, что некоторые работы Бердяева, из которых позднее выстроилась «Русская идея», воздействовали на миросозерцание литераторов не только в революционную эпоху, но и в гораздо более позднее время. Как, например, некоторые идеи из «Смысла истории» Бердяева нетрудно заметить в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». Немудрено, ведь Бердяев писал книгу на основании собственных лекций, прочитанных им в Петербурге и Москве в 1918–1921 гг. в Вольной Академии философской культуры, сначала о Достоевском, а затем и о философии истории, или, вернее сказать, о философии человеческой судьбы. Не исключено, что, не имея

возможности читать саму книгу, Б. Пастернак знал или слышал лекции Бердяева. По крайней мере, образ философа Николая Николаевича в романе, который живет в Лозанне, в эмиграции и выпускает там книги по-русски и в переводах, где он «развивал свою давнишнюю мысль об истории, как второй вселенной, воздвигаемой человечеством в ответ на явление времени и памяти», образ этот весьма близок не только образу о. Сергия Булгакова, но и образу Николая Александровича Бердяева. Высказывания Николая Николаевича и других героев романа, например, его последователя — Юрия, весьма близки духу «Смысла истории» и даже порой почти цитатны. Кроме этого, конечно, в романе чувствуется влияние Н. Федорова и других, а также самобытная мысль самого Б. Пастернака. Но присутствие в романе философа, «жаждущего мысли, окрыленно вещественной, которая прочеркивала бы нелицемерно различный путь в своем движении и что-то меняла на свете к лучшему» и который говорит об «идее свободной личности и идее жизни, как жертвы», — словно бы создает иллюзию несомненного бердяевского «присутствия».

«Субъективизм» и «неподстроенность» работ Бердяева, как и всей его жизни, — очевидны. Он и сам этого не отрицал: «Я никогда не принадлежал к мыслителям, умеющим группировать единомышленников и последователей. Я все-таки одиночка, хотя и часто действующий социально» [3].

Он работал неумоимо до самого конца, невзирая на усталость, будоражил свою мысль и мысль своих читателей. Скончался же 23 марта 1948 г. в Кламаре, за письменным столом, на котором, кроме журналов и бумаг, остались лежать «недокуренная сигара... и раскрытая Библия» [4]. Рука его до последней минуты выводила строки так и не завершенной книги «Царство Духа и Царство кесаря», изданной уже после его кончины...

Когда я впервые в 1989 г. попал в кламарский дом Бердяева, то в его кабинете все сохранялось так же, как и при его кончине. Поражал не только лист календаря, на котором «зияла» дата его ухода, но и «живость» иконостаса его домашней церкви, алтарь которой был написан выдающимся иконописцем XX столетия о. Григорием Кругом. В доме хранился бердяевский дух и атмосфера, присущая стареющей «интеллигентской» мебелировке и образу жизни... Вот здесь-то и создавалась, осмысливалась «Русская идея».

К ней, к «русской идее» он обратился вновь во время войны.

Вторая мировая сделала свое дело и в мирозерцании Бердяева. Впрочем, она не стала для него неожиданностью, ибо он так или иначе предчувствовал надвигающуюся катастрофу в европейской жизни.

Для апокалипсического сознания философа война только обострила размышления о предстоящем нарастании противоречий и трудных вопросов в христианском сознании.

Война — это предошущение финала мира, конца цивилизации, гибели культуры. Это высшее порождение тоталитаризма в мире, реализация устремлений тоталитарной власти всяческого толка, устремлений, которые вряд ли возможно совместить с учением Христа.

Бердяев снова углубился в проблемы «3-й эпохи», долженствующей наступить, по его мнению, в жизни человечества. «Новое средневековье» поглощает его мысли, и, естественно, судьба России для него стоит на первом месте, ибо ее выживание в начале 1940-х, окруженной концлагерями изнутри и снаружи, изнуренной последовательным умерщвлением лучших людей и громадными сплошными военными потерями, казалось со стороны почти нереальным...

Война еще раз потревожила течение его жизни.

Во время эвакуации, продираясь сквозь охваченную паникой толпу на парижском вокзале, одной рукой прикрывая от толчков жену, а в другой — поднятой высоко над головой — удерживая корзину с бесконечно дорогим существом, котом Мури, Николай Александрович умудрялся отрешаться от «действительности» и продолжал работу мысленно. Выбравшись из давки и чудом уцелев, он объявил своей жене — Лидии, что только сейчас придумал последнюю главу своей книги.

О какой книге шла речь? О создававшемся в те дни «Самопознании» или, быть может, «Опыте эсхатологической метафизики»? Вполне вероятно, что это могли быть и наброски «Экзистенциальной диалектики божественного и человеческого» и даже «Русской идеи». Все эти книги увидели свет уже после войны. Но «источником» их стала война. Она напомнила чем-то первые годы Советской власти в России. Год 1918-й и последующие. Когда в парижской квартире Бердяева стали собираться на воскресные вечера русские эмигранты, то это походило на полуподпольную обстановку в давно ушедшие в прошлое времена.

Россия снова собирала многих из них вместе.

Бердяев раскладывал на столе карту военных действий, и они прослеживали пути шествия

германских войск по русской земле. Над картой склонялись мать Мария, отец Дмитрий Клепинин, друзья семьи — Адамович, Пьянов, Мочульский, Пиготровский, Ставров.

Евгения — сестра жены — отмечала, что сердце Бердяева билось в унисон с Россией и он никогда не сомневался в ее победе.

Так война стала одной из главных побудительных причин создания одной из его последних книг — «Русской идеи».

Второй такой причиной можно назвать на первый взгляд несколько иррациональную, но все-таки вполне убедительную — предчувствие кончины. Не только возраст давал о себе знать. Война ежедневно, ежечасно уносила тысячи и тысячи жизней. И если гестапо несколько раз допрашивало Бердяева, но до сих пор не арестовало его, как это произойдет с матерью Марией и отцом Дмитрием Клепининым, то и это, вполне вероятно, — до поры. Существование некоторых покровителей, способных защитить, — также до времени. Ведь он не поддерживает тех русских, кто идет на сотрудничество с оккупантами. Он, правда, не занимается политикой, но ведь передает же в тюрьмы пакеты с едой политическим заключенным.

Война есть война.

И она требует переоценки некоторых важнейших представлений. В частности, о России. Кое-кто хочет объяснить войну, как поход против большевизма. Но нет, он, как и многие в эмиграции, считает ее войной против России. «Я все время верил в непобедимость России... Естественной присущий мне патриотизм достиг предельного напряжения. Я чувствовал себя слитым с успехами Красной Армии. Я делил людей на желающих победы России и желающих победы Германии. Со второй категорией людей я не соглашался встречаться; я считал их изменниками» [3].

Предчувствие кончины усиливается, когда осенью 1942 г. он заболел — обострились боли в брюшной области. Его срочно госпитализируют. Амбулатории — редкость. Но ему везет. Операция проходит быстро. Он несколько дней приходит в себя, просит не закрывать дверь в палату, чтобы не оставаться одному.

Бердяев, только почувствовав себя лучше, просит принести ему «Былое и думы» Герцена — «самую блестящую книгу воспоминаний» (слова, написанные за два года до этого). Эта книга лечила, она возрождала к жизни и стимулировала творческие силы. Ведь он пишет «Самопознание» — опыт философской автобиографии. Ведь он исподволь уже

обдумывает «Русскую идею», а без Герцена этот труд немислим.

Болезнь проходила. Но ощущение близкого исхода оставалось. Такое состояние, хотя и не выдаваемое внешне, обостряло чувство долга в связи с еще не законченными работами. Хотелось успеть не только написать, но и систематизировать, обобщить, выстроить в ряд.

В июне 1943 г. он раскладывает чистые листы на своем столе и на одном из них пишет заголовок новой книги — «Русская идея».

В следующем году принимает активное участие в конференции «Русская идея и идея германская».

И тут неприятные события последовали одно за другим. Многочисленные аресты друзей. В феврале 1944 г. — кончина Петра Струве, с которым хоть и не разговаривали последние годы, да и вообще при встрече переходили взаимно на другую сторону улицы, но в то же время того самого Струве, с которым связаны первые годы философских трудов, первая, марксистская, книга, многие споры о судьбах и будущем России.

Бердяев считал, что Струве чересчур ушел в национализм и чересчур рационален, по типу мыслителя западного склада, что он не понимает ни тайны истории, ни русскую душу, с ее загадочностью. И если Струве, обобщенно говоря, не признавал коренного отличия России и Европы, то для Бердяева оно было неоспоримым. Бердяев признал революцию в России, как неизбежный этап в духовном становлении новой эпохи, «Нового Средневековья», отметил ее положительную историческую роль, а Струве в отрицании этой роли был непреклонен. Страдания людей Струве всегда ощущал не умозрительно, а физически. Поэтому он и уличал Бердяева в некоей способности «усматривать смысл там, где сердце отказывалось искать смысл» [6].

Отвлеченное мышление Бердяева Струве окрестил «фантастической смесью апокалипсиса и марксизма». И в чем-то он был прав. Бердяев сам не отрицал этой «смеси».

Но вот Петр Бернгардович Струве — лидер «либерального консерватизма» — покоится на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, и очный спор двух именитых мыслителей русской эмиграции, доживших до этого времени, окончен...

В том же 1944-м скончался и отец Сергей Булгаков, по словам Бердяева, «один из самых замечательных людей начала века, который первым пришел к традиционному православию».

Наконец, произошло еще одно событие, для постороннего человека кажущееся не очень значительным, даже комичным. Однако Бердяеву оно принесло особенно духовное страдание. После болезни умер кот Мури — любимец семьи. «Страдания Мури перед смертью я пережил, как страдание всей твари... Я очень редко и с трудом плачу, но, когда умер Мури, я горько плакал. И смерть его, такой очаровательной Божьей твари, была для меня переживание смерти вообще, смерти тех, кого любишь...» [3].

В это же время тяжело заболевает и жена Бердяева. Прогрессирующий паралич горла — болезнь, доставляющая множество страданий ей, принесла немало душевных страданий и ему. Она скончалась в сентябре 1945 г., когда война уже завершилась. «Я пережил смерть Лид., приобщаясь к ее смерти, я почувствовал: что смерть стала менее страшной, в ней обнаружилось что-то родное...»

В это время он уже не просто мечтает о России. Происходит нечто, казалось бы, невероятное в жизни Бердяева. Он снова «физически» сталкивается с Родиной.

Его взор в последний год войны с напряжением вглядывался в то, что происходило в СССР. По словам Д. Лоури, знавшего его лично, Бердяев некоторое время предполагал, что Сталин сможет дать русскому народу новую свободу [7, р. 271]. Сам Бердяев позже высоко оценивал сталинскую Конституцию, в частности, отмечая: «Советская конституция 1936-го года создала самое лучшее в мире законодательство о собственности. Личная собственность признается, но в форме, не допускающей эксплуатации. Назрел новый душевный тип с хорошими и плохими чертами» («Русская идея»).

Развивая эту мысль дальше, Бердяев в январе 1945 г. выступил с лекцией о новой миссии России для цивилизации. «Что Россия дает миру? — говорил он. — В новом одеянии традиционное утверждение русской веры: мир и братство народов...» [7, р. 272]. А потом в «Русской идее» снова запишет, словно цитируя свою лекцию: «В коммунизме есть своя правда и своя ложь. Правда — социальная, раскрытие возможности братства людей и народов, преодоления классов...», продолжив тем самым подобные свои более ранние высказывания, как, например, в книге «О рабстве и свободе человека»: «Классовое общество основано на неправде, оно есть отрицание достоинства личности. Персонализм есть отрицание классового общества, есть требование бесклассового общества. В этом правда и коммунизма» [8, с. 178].

«Позитивные» размышления Бердяева относительно советской России в годы войны возбуждали волну неприязни к нему. Однако он, мучительно отыскивая свой путь, оставался верен своей «персоналистической объективности». «Я могу признавать положительный смысл революции и социальные результаты революции, могу видеть много положительного в самом советском принципе, могу верить в великую миссию русского народа и вместе с тем ко многому относиться критически...» [3].

Позднее, в 1946 г., Бердяев в одном из интервью поприветствует возвращение русских эмигрантов на Родину. Да и сам он не избежал этой волны, и хотя не посещал советское посольство в Париже, но был неоднократно выспрашиваем дипломатическими работниками из СССР, приходящими к нему домой, о возможной реэмиграции. «Вопрос о возвращении на родину для меня очень болезненный», — писал он. И с волнением спрашивал о жизни в России. Был момент — даже держал в руках бланк специальной анкеты, по сему случаю придуманной.

Свояченица Евгения также говорила ему, что могла бы вернуться, если бы была помоложе.

Однако Бердяев, возведя свободу мысли в ранг принципа, понимал, что философу вернуться в СССР труднее, нежели представителю технической интеллигенции, о чем говорил постоянно. Если инженер или экономист и даже писатель найдет себе место в советском обществе, то, по его мнению, философу, такому, как он, там будет трудно. «Сердце сочится кровью, когда я думаю о России, а думаю очень часто... В последнее время тема России меня замучила» [3].

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. Зайцев Б. Мои современники. Лондон, 1988.
2. Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Париж: YMCA-PRESS, 1974.
3. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Азбука, 2012.
4. Вопросы философии. 1989. № 2. С. 144.
5. Vallon M. An Apostle of Freedom: Life and Teachings of Nicolas Berdyaev. N.Y., 1960.
6. Pipes R. Struve: Liberal on the right. Cambridge, 1970.
7. Lowrie D. Rebellious Prophet. A Life of Nicolai Berdyaev. N. Y., 1960.
8. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Париж: YMCA-Press, 1939. 224 с.